

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО ЮГА РОССИИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.В. Федосова

В рамках данной статьи рассматриваются проблемы возрождения казачества на Северном Кавказе и Юге России. Современное казачество – это один из основных факторов, влияющих на социально-политическую ситуацию Северного Кавказа и Юга России. Однако формирование и возрождение казачества в постсоветский период носит достаточно амбивалентный характер, который в разных социально-политических и экономических обстоятельствах способен формировать противоположные тенденции как самих казачьих движений, так и самым серьезным образом влиять на различные процессы, протекающие в регионе. К сожалению, в силу объективных и иных обстоятельств, проблемы возрождения современного казачества не стали предметом серьезных исследований в рамках научного дискурса. При всем видимом многообразии различных публикаций на тему казачества, к сожалению, отсутствуют единые научные методологические подходы к изучению данного явления общественной жизни. Несмотря на то, что процессы «возрождения казачества» охватили значительное количество людей, особенно в начальный период своего развития, однако в научном дискурсе данный феномен так и не стал предметом междисциплинарного анализа и дискурса. «Казачья тема» фактически сразу была застолблена публицистами или псевдонаучными исследованиями, авторы которых или весьма слабо, или весьма ангажировано ориентировались в истории и специфике «возрождения казачества». В предлагаемом исследовании мы постарались отойти от упрощенства, свойственного псевдоисследованиям казачьей тематики, в основе которых зачастую лежит дескриптивный (описательный) подход к оценке как «возрождения», так и специфики современного казачества. Для наиболее плодотворного анализа перспектив и рисков развития современного казачьего движения был использован проблемно-хронологический подход, который позволил проанализировать развитие казачества в достаточно сжатых временных рамках.

Ключевые слова: казачество, возрождение современного российского казачества, Северный Кавказ, Юг России.

История становления и развития современного российского казачества своими корнями уходит в период распада советского государства и становления новой российской государственности – это рубеж конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Несмотря на то, что процессы «возрождения казачества» охватили значительное количество людей, особенно в начальный период своего

развития, однако в научном сообществе данный феномен так и не стал предметом междисциплинарного анализа и дискурса. «Казачья тема» фактически сразу была приватизирована публицистами или псевдонаучными исследованиями, авторы которых или весьма слабо, или весьма ангажировано ориентировались в истории и специфике «возрождения казачества».

В контексте данного анализа мы постараемся отойти от упрощенства, свойственного псевдоисследованиям казачьей тематики, в основе которых зачастую лежит дескриптивный (*описательный*) подход к оценке как «возрождения», так и специфики современного казачества.

Для наиболее плодотворного анализа перспектив и рисков развития современного казачьего движения будет использован проблемно-хронологический подход, который позволит проанализировать развитие казачества в достаточно сжатых временных рамках. В качестве доминирующих аналитических задач будут рассмотрены следующие концепты:

- истоки и причины современного «казачьего ренессанса»;
- анализ основных этапов казачьего «возрождения»;
- сопряжение целей и задач современного казачьего движения с текущими политическими процессами, протекающими на Юге России и на Северном Кавказе;
- политический язык современных казачьих движений, его основные лексические конструкции и концепты.

И, наконец, данный анализ современных казачьих движений – это попытка ответить на вопрос, насколько актуально «возрождение» казачества в современном социально-политическом контексте Юга России и Северного Кавказа.

История российского казачества, с одной стороны, – одна из наиболее популярных тем российской историографии, с другой – наиболее неизученная с точки зрения системного подхода тема. Основные научные работы по истории и современному состоянию казачества либо ограничиваются достаточно узкими хронологическими рамками, либо рассмотрением общей тематики влияния казачества на политическую ситуацию в общероссийском контексте в отдельные периоды развития современного российского государства.

Возрождение казачества в позднесоветский и постсоветский периоды наиболее бурно протекало на территории Юга России и в некоторых республиках Северного Кавказа. Во многом это обусловлено было историей развития казачества на этих территориях к началу Октябрьских событий 1917 г. До революции на данных территориях располагались «самые старшие» казачьи войска, имевшие наибольшую численность казачьего населения на территории Российской империи. Именно на территории современных субъектов Юга России (Ростовской области, Краснодарского и

Ставропольского краев) располагались казачьи войска, имевшие «самую древнюю историю» (соответственно – Область Войска Донского, Кубанское казачье войско, Терское казачье войско). Например, на территории Области Войска Донского к началу 1917 г. насчитывалось – 1 млн. 480 тыс. казаков; численность Кубанского казачьего войска достигала – 1 млн. 139 тыс. человек; численность Терского казачьего войска – 278 тыс. казачьего населения [1]. Хотя, конечно, необходимо оговориться, что Ставропольская губерния Российской империи никогда не была территорией, на которой функционировали казачьи войска. Однако административно-территориальные преобразования советского периода превратили Ставропольский край в «казачью территорию».

До Октябрьской революции 1917 г. казачество в Российской империи отождествлялось с определенным социальным слоем или сословием, основной обязанностью которого на ранних этапах развития централизованного российского государства была защита российского фронта, впоследствии казак – это воин, выполняющий определенную воинскую службу. Естественно, что к 1917 г. казачество в своем развитии прошло достаточно длительный исторический путь, включающий в себя изменения содержательного контекста термина «казак». От понятия «казак» = «вольный человек» до определения В. Даля, согласно которому «казак – это служилый обыватель, поселенный воин, принадлежащий к особому сословию казаков ...обязанного служить по вызову, на своих конях, в своей одежде и вооружении...» [2]. Практически с середины XIX в. казачество в русской общественной мысли – это социальная группа, наделенная определенными обязанностями и привилегиями.

Однако в период Гражданской войны возникает концепция, согласно которой «казачество – это отдельный народ». Возникновение данной концепции было связано с попыткой создания во время Гражданской войны казачьих независимых государств на территории Войска Донского и Кубанского казачьего войска, попытка, закончившаяся, как известно, провалом. Тем не менее, поражение в Гражданской войне не только не умерило казачий сепаратизм, а, наоборот, усилило идеи политической самостоятельности, особенно среди казаков, проживающих в эмигрантской среде. В 1920 г. в Праге под руководством генерала И. Быкадорова было создано Вольно-казачье движение, главной целью которого выступала «организация движения в целях закрепления идеи единого казачьего государства, Казакии, и подготовить ее осуществление путем организованной пропаганды» [3]. Благодаря активной деятельности участников Вольно-казачьего движения, идеи независимого казачьего государства приобрели значительный вес в эмигрантской среде.

Наибольшим успехом в деятельности Вольно-казачьего движения можно считать упоминание «Казакии» в законе США «О порабощенных

народах» (закон № 86-90, *Public Law 86-90 Captive Nations Week Resolution*), принятом в 1959 г., который продолжает действовать и в настоящее время. Согласно данному закону, президент США ежегодно провозглашает «Неделю порабощенных народов» до тех пор, пока эти народы не приобретут свободу от «порабощения русских». К «порабощенным русскими народам» относятся и казаки в том числе.

Фактически доктрина о том, что казаки – это самостоятельный этнос, который на протяжении существования российской имперской государственности угнетался и подавлялся русскими, это попытка добиться для казаков реализации ленинского принципа «о праве наций на самоопределение», с одной стороны. С другой стороны, тезис «казачество – это самостоятельный народ» – это полное отрицание основного положения российской историографии (не только советского периода, но и имперского) о том, что казаки – это беглые холопы, осевшие по frontierу российского государства.

В позднесоветский период тезис «казаки – самостоятельный народ», как это ни странно, стал встречаться и в трудах советских этнографов, занимавшихся вопросами становления и развития различных этнических групп. Так, например, известный советский этнограф Ю. Бромлей считал, что «казаки – это особая этнографическая группа русских» [4]. Л. Гумилев, труды которого как раз были очень популярны на изломе 1980–1990 гг., считал, что казачество – это «крестившиеся половцы с сильным хазарским компонентом» т.д. [5; 6].

Интересно, что идеи «самостийности казачества» были заложены в законе «О реабилитации репрессированных народов» (1991 г.) и в постановлении Верховного Совета РФ «О реабилитации казачества» (1992 г.), придавших динамику процессу «возрождения казачества». Если первоначально (1989–1991 гг.) «возрождение» казачества рассматривалось в форме музейно-этнографической специфики того или иного региона, то после принятия выше обозначенных документов «возрождение» казачества начинает строиться совершенно по иному вектору.

В условиях, когда по южному frontierу Российской Федерации, прежде всего, в северокавказских и закавказских республиках, побеждали идеи этнического национализма, принятие данных нормативно-законодательных актов способствовало легитимации политических претензий лидеров казачьих движений. Но и в то же время создало определенные «ловушки» для лидеров и участников казачьих движений.

Пожалуй, главная ловушка, которая встает за признанием казаков – самостоятельным народом, что, в принципе, и характерно и для любого этнического или культурного сообщества, претендующего на роль нации, – это, конечно, требование территориальной реабилитации, зафиксированное в законе «О реабилитации репрессированных народов». Однако

необходимо отметить, что современное административно-территориальное деление как Юга России, так и Северного Кавказа не только не может создать условия для «казачьей территориальной реабилитации», но, наоборот, может создать дополнительные точки напряжения на данных территориях.

Так, например, Усть-Медведицкий и Хоперский округа, входившие в состав Войска Донского, в настоящее время входят в состав Волгоградской области. Значительная часть бывших земель Кубанского казачьего войска – это земли Карачаево-Черкесии и республики Адыгея. Территории нынешнего Ставропольского края – Невинномысск, Кочубеевский и Андроповский районы – это также земли Кубанского казачьего войска. И практически большая часть земель Терского казачьего войска, прежде всего, район Кавказских Минеральных вод также по административно-территориальному делению относится к Ставропольскому краю. Ну и, естественно, что большая часть земель бывшего Терского казачьего войска вошли в состав северокавказских республик, созданных в период советской власти в границах бывшей Терской области. В современных условиях возможные вопросы о территориальной реабилитации казачества могут не просто спровоцировать точки напряжения, прежде всего, между казачеством и представителями северокавказских народов, но и практически взорвать Юг и Северный Кавказ Российской Федерации.

Хотя нельзя не отметить, что попытки казачьей территориальной реабилитации предпринимались в 1990-х гг., например, в ноябре 1991 г. на большом казачьем круге Юга России, на котором было провозглашено создание Союза казачьих республик Юга России (Донской, Терской, Верхне-Кубанской, Армавирской и т.д.), как раз и была предпринята попытка территориальной реабилитации, однако дальше деклараций дело не сдвинулось. И во многом, конечно, провал территориальной реабилитации казачества был обусловлен жестким противостоянием со стороны соседних кавказских народов, с одной стороны, и, с другой – тем фактом, что высшие федеральные органы РФ на данную инициативу никак не отреагировали и, естественно, не стали поддерживать.

Тем не менее идеи казачьего «ирредентизма» (политика объединения того или иного этноса в рамках единого государства, в случае с казачеством – это объединение казачьих земель под юрисдикцией «русских» субъектов РФ и вывод этих земель из-под юрисдикции национально-территориальных объединений РФ, особенно на Северном Кавказе) пусть и в неявной форме продолжают существовать в идеологии неоказачества и по сегодняшний день.

Вторая «ловушка», связанная с определением казачества как самостоятельного этнического образования, – это, естественно, историческое прошлое развития казачества в контексте российской государственности,

в рамках которой казачество, в принципе, никогда не рассматривалось как самостоятельный народ. В российской историографии дореволюционного периода было принято выделять два основных определения казачества, связанные с тем или иным периодом развития данного явления.

В период позднего Средневековья (XV–XVI вв.) в источниках встречается упоминание о казаках, местоположение которых находится фактически по пограничному периметру (юг, север, запад) Московского государства. В контексте данных источников, казак – это «вольный человек», «беглый холоп», скиталец. Иногда казаки за определенную плату выполняют поручения московского государя, иногда поступают вопреки его воле [7; 8]. Единственный вывод, который напрашивается при анализе казачества этого периода, – это то, что пока казачество еще не инкорпорировано в систему российской государственности, но обретает где-то очень и очень близко от нее.

Превращение «вольных» людей в служилое сословие происходило постепенно, когда первоначально российской бюрократии удалось инкорпорировать казаков для защиты внешних рубежей, а затем и для подавления внутренних выступлений. Первые шаги по инкорпорированию казачества в систему российской государственности можно было наблюдать уже в XVII в., когда казаки выдали московским властям популярного у донцов атамана С. Разина, тем самым нарушив основополагающий принцип «вольного» донского казачества: «С Дона – выдачи нет!». Этим самым казаки продемонстрировали центральным властям, что готовы идти на компромиссы.

Кардинально ситуация с казачеством меняется в эпоху петровских преобразований и модернизации российской государственности (XVIII в.). «Вольные» казаки в этот период были подчинены Военной коллегии, тем самым превратившись в служилое сословие. Просуществовали они в данном статусе фактически до октябрьских событий 1917 г. За период, когда происходило становление казачества как особого служивого сословия Российской империи, обладавшего определенными социально-экономическими привилегиями, государством было создано и расформировано достаточно много казачьих образований. Фактически в этот период государство стало обладать монополией на создание и на расформирование казачьих войск. Так, например, были расформированы посредством административно-территориальных преобразований, а затем ликвидированы следующие казачьи войска: Азовское, Дунайское, Бугское, Черноморское, Кавказское линейное, Екатеринославское и т.д.

Помимо этого, с этого периода государство само решает, кто будет казак, а кто нет. Казачество и формально, и реально превращается в сословие. Таким образом, начиная с XVIII в., казачество перестает самостоятельно формироваться традиционным путем, как «вольные общества»

(например, Донское, Терское, Уральское казачьи общества), которые не зависели от воли ни московского государя, ни польских шляхтичей и т.д.

Подобная государственная политика в отношении казачества сохранялась вплоть до революции 1917 г. После распада Российской империи в истории казачества начинается новый, достаточно краткосрочный этап. Период казачьих государственных образований, который впоследствии дал толчок для развития концепции «казачество – это самостоятельное этническое образование», и оказал влияние на развитие постсоветского этапа возрождения казачества.

Как уже было отмечено выше, «возрождение» казачества стало возможным благодаря политической либерализации, проходившей в 1980–1990 гг., однако, как это ни парадоксально звучит, основной целью создававшихся общественных казачьих движений было не стремление к условному «светлому будущему», а стремление к «возрождению светлого прошлого». И вот здесь лидеры и идеологи казачьих движений, а вместе с ними и рядовые участники, стали заложниками определенной формы казачьего этнонационализма. Ретроспективный характер казачьего возрождения и бесконечный поиск казачьего «золотого века» в итоге привел к столкновению с этническим национализмом кавказских народов, хотя первоначально в некоторых кругах этнонационализм казачества рассматривался как противовес национализму, прежде всего, кавказских народов. Естественно, что победа в столкновениях этнонационализмов досталась кавказским народам, и это является следствием определенных процессов, протекавших в среде кавказских народов, и, прежде всего, – это анализ и оценка результатов Кавказской войны. На волне ревизии исторического наследия российской империи и советской государственности идеологи «новой» кавказской истории рассматривали, а некоторые и до сих пор продолжают рассматривать, итоги Кавказской войны как унижение и порабощение кавказских народов Российской империей, где одним из основных агентов российской политики порабощения выступало казачество.

Необходимо отметить, что, несмотря на общий характер, что кавказского, что казачьего национализмов, доминантной которых является поиск «золотого века», исходные возможности у них были разные. Кавказский проект поиска «золотого века» имел гораздо более длительную временную протяженность, созданную усилиями кавказских интеллектуалов-гуманитариев (писатели, драматурги, ученые, журналисты), актуализацию деятельности которых следует отнести к 1960–1970 гг. Поэтому к началу демократических преобразований 1980–1990-х гг. практически у каждого кавказского народа имелся уже свой «золотой век» (например, идеи пантюркизма у адыгских народов и т.д.). По мнению идеологов и пропагандистов того или иного «золотого века», наличие собственного «зо-

лотога века» давало право кавказским народам создавать на территории северокавказских республик этноцентричные государственные образования.

В отличие от кавказских народов у казаков «золотой век» к распаду Советского Союза не был найден, так как казачество в течение практически большей части развития единого российского государства рассматривалось как служивое сословие с русской или славянской этнической доминантой. Поэтому нарратив «золотого века» и не был разработан и, естественно, что казачий «золотой век», столкнувшись с «золотым веком» кавказцев, заведомо должен был проиграть, что фактически и случилось на рубеже 1990–2000-х гг. на Северном Кавказе.

На Юге России ситуация, связанная с возрождением казачества, складывалась несколько иначе, чем в республиках Северного Кавказа. Возрождение казачества в южных регионах (Ростовская область, Краснодарский край) с доминантой славянского населения проходило более ровно, чем в кавказских национально-территориальных образованиях. Наиболее системно «возрождение» проходило в Краснодарском крае, где уже в декабре 1990 г. была принята на Большом Совете атаманов «Декларация казачества России». Спустя год после принятия «Декларации...», осенью 1991 г., на Большом казачьем круге Юга России было заявлено о создании Союза казачьих республик (Донской, Терской, Верхне-Кубанской, Армавирской и т.д.) Юга России с единой столицей в г. Новочеркасске.

Однако попытки создать единую казачью республику на Юге России не увенчались успехом. С одной стороны, данная инициатива была проигнорирована как существовавшим тогда еще союзным центром, так и руководством Российской Федерации. С другой стороны, внутри казачьего движения Юга России не было единства в отношении будущего Союза казачьих республик Юга России, да и во многом из-за амбиций некоторых казачьих лидеров, считавших, что создание единой казачьей республики приведет к снижению их личного статуса внутри казачьей республики.

Необходимо констатировать тот факт, что политический инфантилизм и эгоизм казачьих лидеров того времени, с одной стороны, и неумение объективно оценить ситуацию, с другой стороны, способствовали тому, что между казаками и соседствующими с ними народами стали складываться конфликтные отношения. В итоге это привело к выдавливанию казачьих движений из политической жизни национально-территориальных субъектов РФ, прежде всего, на Северном Кавказе, а на Юге России к маргинализации данных движений, действия которых вызывают усмешку не только у представителей иных этнических групп, но и заставляют дистанцироваться от их деятельности представителей славянских сообществ, которые, в принципе, и составляли основу казачества.

Современное российское казачество неоднородно и расколото как по организационно-структурным формам, так и по содержательным моментам. В новейшей истории Российской Федерации попытки структурировать деятельность казачьих движений предпринимались несколько раз, мы же в своем анализе остановимся на двух законах – это закон «О казачестве», который был принят в 1999 г. после многолетних дискуссий в Государственной Думе РФ, и закон «О государственной службе российского казачества», принятый в 2005 г. Сравнение этих двух законодательных актов показывает, что, к сожалению, даже в самых верхних слоях российской законодательной власти нет четкого понимания, в каких направлениях должно развиваться российское казачество, есть ли у этих движений в тех формах, в которых они существуют, будущее и т.д.

Закон «О казачестве» так и не успел заработать в полную силу, так как первый президент РФ Б. Ельцин за несколько дней до своей отставки наложил на него вето. Тем не менее, согласно данному закону, казаки имели право участвовать в госслужбе и получать за это плату от государства, получать участки общинной земли и использовать их, казачьи организации имели право вести международную деятельность. В основе определения, кто может считаться казаком, лежал достаточно размытый принцип «потомственности».

Содержательное наполнение закона «О государственной службе российского казачества», который был принят в 2005 г. и регламентирует деятельность казачьих организаций, имело несколько иное содержание. В рамках данного закона казачество наделяется сословными чертами. Казаком может считаться только тот субъект, который является членом казачьей организации, но не просто любой казачьей организации, а только тех, которые выберет и утвердит государство. Согласно данному закону, казачьи организации заносятся в государственный реестр, причем государство само определяет, кого заносить, а кого нет.

Реестровые казаки имеют четкую иерархическую структуру – от низовой станичной ячейки до высших войсковых. В настоящее время в РФ насчитывается 11 казачьих войск, каждое войско имеет фиксированное количество членов, которое согласовывается государством. Реестровые казаки обязуются нести государственную службу, их организации заключают договор с государством, согласно которому определяется, где и какую службу будут нести казаки. Все реестровые казаки не должны состоять ни в каких партиях и политических движениях.

При всем внешнем модернизационном отношении государства к казакам, на наш взгляд, принятие данного закона серьезнейшим образом ударило по развитию казачества, еще больше дестабилизировав ситуацию внутри казачьих движений. Современное российское казачество расколото на реестровое и нереестровое, которое существует в рамках обще-

ственных объединений. В отличие от реестровых, они не имеют никаких прав и преференций, и по закону не считаются казаками, что серьезно осложняет взаимоотношения между реестровыми и нереестровыми казаками.

В заключении можно констатировать, что в самом начале своего «возрождения» казачьи лидеры и активисты, прежде всего, на Юге России и на Северном Кавказе, на фоне «парада суверенитетов» в 1990-е гг. не смогли оценить и понять статусную позицию русских в регионе. В этот период русские, прежде всего, и казаки, в частности, перестали рассматриваться, «как старший брат», которого, с одной стороны, побаиваются, а с другой – уважают. В отношении русских начали преобладать реваншистские настроения. Непонимание данного факта и всевозможные педалирования казачьими идеологами различных теорий «чистоты крови» в итоге вылилось в отсутствие у казачества как тактических, так и стратегических союзников на тот период. И, наоборот, сформировало конфликтные отношения с соседними этническими образованиями. Казачество данного периода с поисками «своего золотого века» изначально было обречено на поражение, что, в принципе, и случилось в республиках Северного Кавказа, а на Юге России привело к формированию маргинальной повестки для казачества.

Во-вторых, сделав акцент на выдуманную «казачью этничность», они не смогли актуализировать в правозащитном пространстве проблемы дискриминации русских в северокавказском регионе, тем самым также изначально проиграв кавказским этнонационализмам.

В итоге вся деятельность казачьих движений свелась к каким-то карнавальным действиям, которые в итоге вылились в негативно-ироническое восприятие казаков, как «ряженных». И это, несмотря на этнонационалистические действия кубанских казаков в отношении, допустим, турок-месхетинцев или армян, проживающих в Краснодарском крае. Эти действия не получили поддержки ни со стороны властных структур (прежде всего, федеральных), ни стороны простых обывателей, продолжающих рассматривать данные действия как проявление маргинальности и «ряженности».

Фактически казачьи движения за последние тридцать лет прошли тот же путь, что и любое общественно-политическое движение на постсоветском пространстве, с присущими им ксенофобией, этнонационализмом, «поиском корней» и т.д. В научном дискурсе постсоветского периода, к сожалению, не сформировалось более-менее единых научно-методологических подходов к изучению тенденций развития современного казачества. Казачество, с точки зрения исследователей, – это и «субэтнос» [9], и «часть русского народа» [10], и «беглецы из тюрско-монгольских обществ» [11], и др. От того, как отвечают на вопрос об истоках казачьей идентичности

исследователи казачества, зависит не только формирование смысловых оснований идеологического проекта, но и формы реализации данного проекта в политическом пространстве.

Есть ли у казачьего «проекта» будущее в рамках современных российских реалий? На этот вопрос пока можно дать достаточно однозначный ответ – Нет! К сожалению, когда началась реализация казачьего «проекта», ни казачьи атаманы, ни государственные служащие, ни идеологи, занимающиеся вопросами возрождения казачества, ни тогда, ни сейчас так и не ответили на главный вопрос – для решения каких задач российской государственности нужны казаки? Возрождать сословность в современных условиях – это просто невозможно. Борьбаться с миграционными процессами на Юге России в современных условиях развития общества – это утопия. Тогда для чего? Пока не будет дан ответ на данный вопрос, казачество так и будет иметь полумаргинальный статус «ряженных». Кроме того, в силу своей маргинальности, будет создавать «точки напряжения» по всему южному фронтиру Российской Федерации.

-
1. Сколько казачьих войск было в дореволюционной России. [Электронный ресурс]. URL: <https://amarok-man.livejournal.com/291462.html>
 2. *Даль В.* Толковый словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.endic.ru/dal/Kazak-12309.html>
 3. Вольно-казачье движение // Казачий словарь-справочник. [Электронный ресурс]. URL: <https://kazak.academic.ru/324/>
 4. *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.
 5. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. 526 с.
 6. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 766 с.
 7. *Гумилев Л.Н.* От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Экспрос, 1992. 331 с.
 8. *Маркедонов С.М.* Основной вопрос казачеведения: российская историография в поисках «древнего» казачества // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011. С. 224–264.
 9. *Маркедонов С.М.* Казачество: Единство Или Многообразие? // Ab Imperio. 2004. №2. С. 521–528.
 10. Казачий Дон. Очерки истории. В 2-х ч. Ростов-н/Д., 1995. Ч. II. 190 с.
 11. *Корниенко Б.С.* Русское казачество или казачья нация? Проблема самоопределения в идеологии казачьего национализма начала XX века // Клио. 2011. № 1 (52). С. 3–11.
 12. *Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. 352 с.

Fedosova, Elena V. – V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); fedosova_e@inbox.ru

RUSSIAN COSSACKS OF THE SOUTH OF RUSSIA AND THE NORTHERN CAUCASUS: TRENDS AND PROSPECTS.

Keywords: *Cossacks, revival of modern Russian Cossacks, North Caucasus, South of Russia.*

Within the framework of this article, the problems of the revival of the Cossacks in the North Caucasus and the South of Russia are considered. The modern Cossacks are one of the main factors influencing the socio-political situation in the North Caucasus and South of Russia. However, the formation and revival of the Cossacks in the post-Soviet period is rather ambivalent in nature, which in different socio-political and economic circumstances is able to form opposite tendencies, both of the Cossack movements themselves, and in the most serious way to influence various processes taking place in the region. Unfortunately, due to objective and other circumstances, the problems of the revival of the modern Cossacks have not become the subject of serious research within the framework of scientific discourse. With all the visible variety of various publications on the topic of the Cossacks, unfortunately, there are no uniform scientific methodological approaches to the study of this phenomenon of public life. Despite the fact that the processes of the «revival of the Cossacks» covered a significant number of people, especially in the initial period of their development, however, in the scientific discourse, this phenomenon has not become the subject of interdisciplinary analysis and discourse. The «Cossack theme» was practically immediately privatized by publicists or pseudoscientific studies, the authors of which were either very weak or very biased in the history and specifics of the «revival of the Cossacks.» In the proposed study, we tried to move away from the simplification inherent in pseudo-studies of Cossack topics, which are often based on a descriptive approach to assessing both the “revival” and the specifics of the modern Cossacks. For the most fruitful analysis of the prospects and risks of the development of the modern Cossack movement, a problem-chronological approach was used, which made it possible to analyze the development of the Cossacks in a fairly short time frame.

REFERENCES

1. *Skol'ko kazach'ikh voisk bylo v dorevolyutsionnoi Rossii* [How many Cossack troops were in pre-revolutionary Russia] [Web-sait]. URL: <https://amarok-man.livejournal.com/291462.html>
2. Dal', V. *Tolkovyi slovar'* [Explanatory dictionary]. [Electronic resource]. URL: <http://www.endic.ru/dal/Kazak-12309.html>
3. *Vol'no-kazach'e dvizhenie* [Free Cossack movement]. *Kazachii slovar'*-

spravochnik [Cossack dictionary-reference book]. [Electronic resource]. URL: <https://kazak.academic.ru/324/>

4. Bromlei, Yu.V. *Etnos i etnografiya* [Ethnicity and ethnography]. Moscow, Nauka, 1973. 283 p.

5. Gumilev, L.H. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's biosphere]. Leningrad, 1990. 526 p.

6. Gumilev, L.N. *Drevnyaya Rus' i Velikaya Step'* [Ancient Russia and the Great Steppe]. Moscow, Mysl', 1989. 766 p.

7. Gumilev, L.N. *Ot Rusi k Rossii: ocherki etnicheskoi istorii* [From Rus to Russia: Essays on Ethnic History]. Moscow, Ekopros, 1992. 331 p.

8. Markedonov, S.M. *Osnovnoi vopros kazakovedeniya: rossiiskaya istoriografiya v poiskakh «drevnego» kazachestva* [The main question of Cossack studies: Russian historiography in search of «ancient» Cossacks]. *Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoi pamyati* [Empire and nation in the mirror of historical memory]. Moscow, 2011, pp. 224–264.

9. Markedonov, S.M. *Kazachestvo: Edinstvo ili Mnogoobrazie?* [Cossacks: Unity or Diversity?]. *Ab Imperio*. 2004, no. 2, pp. 521–528.

10. *Kazachii Don. Ocherki istorii. V 2-kh ch.* [Cossack Don. Essays on history. In 2 parts]. Rostov-on-Don, 1995, part II. 190 p.

11. Kornienko, B.S. *Russkoe kazachestvo ili kazach'ya natsiya? Problema samoopredeleniya v ideologii kazach'ego natsionalizma nachala KhKh veka* [Russian Cossacks or Cossack nation? The problem of self-determination in the ideology of Cossack nationalism at the beginning of the twentieth century]. *Klio* [Clio]. 2011, no. 1 (52), pp. 3–11.

12. Khodarkovskii, M. *Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800* [Steppe borders of Russia: how the colonial empire was created. 1500-1800]. Moscow, 2019. 352 p.